

К. С. ПИГРОВ,

*заведующий кафедрой социальной философии и философии истории
Санкт-Петербургского государственного университета,
доктор философских наук*

ПЕТЕРБУРГ: GENIUS LOCI

Каким образом устанавливается контакт между тем или иным социумом и тем топом, тем ландшафтом, где это социум обитает? Здесь характерны процессы (и эксцессы) обживания, освоения. Освоение, конечно, имеет материальный аспект. Оно связано с собственностью — выступает прежде всего как присвоение, как практическое распоряжение ландшафтом, как право на его изменение. Но освоение ландшафта предполагает и необходимую духовную составляющую. Это *мимесис* в широком смысле, удвоение его в эмоциональных образах, представлениях, научных понятиях, философских концептах и др. Особенно важны эмоциональные образы. У жителей они складываются уже в детстве. Всякое вновь приходящее поколение получает своеобразный импринтинг: в его сознании и подсознании отпечатывается тот ландшафт, который будет родным на протяжении всей жизни. Юный

петербуржец, скажем, впечатывает в образный строй своей души Исаакиевский собор, Адмиралтейство, морскую перспективу со стрелки Елагина острова, храм Спаса на Крови, циклопическую конструкцию Кировского стадиона.

Архитектура, памятники, городская скульптура — все это становится частью нас самих. Причем идентификация с родными местами всегда содержит эмоциональный порыв, императив, который не укладывается только в рациональный дискурс. Эти столь существенные «конструкты первого порядка» естественным образом, уже в детстве, происходят через мифологию, через мифологическое измерение, которое не может быть сведено к рациональным понятиям и категориям, вырабатываемым, скажем, при школьном изу-

³ Жуков Б., Родионов В. Тише едешь — дальше будешь // Итоги. 1996. № 32. С. 59.

чении краеведения. Роль мифологии, привязанной к топосу, в культурном освоении последнего незаменима. В то же время ее трудно ухватить в исследовании.

Эмоциональное освоение родного пейзажа адекватно воспринимается как обнаружение, открытие, создание мифологии места¹. Самоидентификация социума со своим топосом осуществляется через *genius loci*. Ландшафт осваивается тогда, когда *genius loci* становятся зримы. Обнаруживаются некоторые силы, духи, существа, которые служат посредниками между нашим сложным, таинственным городским топосом и нашими смущенными, мятущимися душами. *Genius loci* выражают настроение наших родных мест. Сознание ребенка легко усваивает, что в неведомых водах, каналах, подвалах, чердаках и закоулках живут водяные, домовые, привидения и русалки, черти и ведьмы и пр. Совершенно не важно, что и наука, и официальные религиозные конфессии в один голос готовы заклеить всю эту иногда забавную, а иногда и опасную нечисть как несуществующую. Что они, эти ученые и священники, знают о зыбких, сложных отношениях каждой индивидуальной страдающей петербургской души со своим городом, страшным и прекрасным?! Об этом знали только Гоголь и Достоевский... Дело вовсе не в том, существуют ли водяные и домовые «по науке» и «на самом деле», а в том, что такое «допущение» необходимо для эмоционального освоения нашего родного города. Человеческая душа терпима к противоречию с научными данными или с догматами религиозной веры. Ведь аналогичным образом мы уже привыкли воспринимать темное, случайное, неясное в нашей жизни в образах астрологии, хотя «научных оснований» для нее не больше, чем в мифах о петербургской нечистой силе.

Мифология бытийствует прежде всего в устных рассказах, но ей не заказаны и цивилизованные формы: мифология обнаруживается в романах и повестях («Петербургские повести» Гоголя, к примеру), закрепляется в памятниках и городской скульптуре (скажем, миниатюра «Чижик» на Фонтанке или странные кошки на карнизах Малой Садовой).

Поскольку мы укоренились в мифологии своего места, наладили контакт и можем сосуществовать со всей этой проказливой, но в конечном счете безобидной нечистью, мы

можем быть хоть немного счастливы в своем городе. В этом городе, *моем месте*, лучшим месте в мире, все становится родным и привычным, здесь все мне начинает помогать.

Мифологический взгляд на наш город позволяет эмоционально понять, почему так мучительно, в течение сотен лет, осваивалась дельта Невы. Петербург был новацией Петра. А всякое вторжение новаций в ландшафт пугает *genius loci*, вызывает их сопротивление. Эти финские домовые и лешие, русалки, которые обитали в недоступных местах дельты, от массового вторжения чужаков, от шума, гама и беспорядка, который был с ними принесен, начали мелькать и суетиться, делать мелкие пакости. У пришедших сюда людей, прежде всего у простых крестьян и ремесленников, от соприкосновения с чуждой «нечистой силой» возникало устойчивое чувство тревоги, страха. Отсюда бессильное ворчание маленького человека, который не любит и боится чужих *genius loci*.

Но постепенно эти водяные, черти и домовые частью передохли, частью сбежали. Не сразу *genius loci* свыкаются с настырной настойчивостью и преобразовательным пылом пришельцев. Оставшиеся уже не так сердятся и не проказничают. Все успокаивается. Привыкает и народ. Ему становится уже уютно на этом месте. И теперь, в начале XXI века, все эти страшные предсказания, что Петербургу «быть пусту», не пугают, они уже «не актуальны». (Хотя, конечно, кто знает, кто знает... Может быть, самые вредные остались и еще ждут своего часа... Никогда нельзя быть спокойным полностью.)

Динамику развития мифологии Петербурга мы можем глубже понять на других примерах. Вот «Калининград» — некоторая мифологическая модель Петербурга, каким тот был в первой трети XVIII века. Правда, эта «модель» проблематичнее моделируемого. Ведь Кенигсберг в 1945 году был гораздо основательнее освоен немцами, чем довольно малонаселенная бухта Невы в конце XVII века. В Калининграде до сих пор русскоязычный социум чувствует себя как на границе или на фронте. Своей мифологии все еще нет. Ландшафт до сих пор чужой, немецкий. Он с самого начала заселения русскими людьми взрывался массовыми переименованиями, что свидетельствовало о судорожном усилии присвоить это место. Гении места, связанные со старыми именами, здесь все еще чужие и враждебные. Они — немецкие. Тени прежних жителей, выселенных из своих домов в течение 48 часов, недвижимое имущество которых было присвоено пришельцами, все время

¹ Ср.: Manfred F. Der kommende Gott. Vorlesungen über die Neue Mythologie. Suhrkamp, 1982. 1. Teil; Анциферов Н. П. Душа Петербурга. Л., 1990 и др.

тяготееют над новыми хозяевами. Эти призраки — как больная совесть. Конечно, и немцы в этом ландшафте когда-то были пришельцами, но они ведь за столетия выстроили новый ландшафт. Сменившиеся два поколения русских в Калининграде, конечно, уже оставили здесь своих русских духов (*ge-*

pius loci), но они еще молоденькие и слабые...

Сознательная созидательная работа с мифологией города — необходимое условие его действительного освоения. Если мы хотим благоустроить свой топоним, необходимо осмыслить стихию возникновения мифологии места.